

Сегодня — Международный день театра, в апреле — 50-летие «Современника». Продолжаем публиковать монологи Марины НЕЕЛОВОЙ о (хочется написать «из») тех спектаклях «Современника», в которых она играет.

Марина НЕЕЛОВА

Свой «Вишневый сад» я теряла и прощалась с ним дважды: первый раз почти в юности, когда играла Аню, и второй раз через много лет — став Любовью Андреевну. Это были разные потери, разные прощания и разные слезы.

Впереди у Ани — неизвестность жизни, судьбы, но все же начало (может быть?) чего-то нового, еще неизведанного и пусть иллюзорные, но все же надежды. Любовь Андреевна теряла вместе с Вишневым садом, родителями, которые родились в этом доме, сыном Гришей, который утонул здесь, любовью, неудачным замужеством («Мой муж умер от шампанского, он страшно пил»), счастьем детства и детской, «в которой я спала и глядела отсюда в сад», уходящей молодостью — она теряла всю свою жизнь, теряла безвозвратно, когда впереди — ничего, кроме одиночества и улетающих дней, когда возвращение в прошлое — это лишь самообман, в котором может быть лишь несколько выигранных у жизни мгновений (часов, месяцев) — кто знает, сколько?!

Так, сыграв вначале Аню — юное существо, а затем Раневскую, я как будто прожила с этой потерей жизнь одной женщины — от ее детства до ее конца.

Роль Ани, которая мне совсем не шла, равно как и я ей, я играла мучительно, пытаюсь заострить лирическую линию, но это противоречило драматургии, моей природе, мучило меня, режиссера, я никак не могла вписаться в контекст пьесы и в результате сидела между двумя стульями, так и не сумев «присвоить» себе ее мечты и надежды на «новую счастливую жизнь». Я мучилась, мучила Аню и не любила это играть.

Мне кажется, я ждала, когда «дорасту» до Раневской. Раневскую в то время играла Татьяна Лаврова, играла неровно, иногда как будто «устав» заранее, но зато иногда — необыкновенно! Она абсолютно вписывалась в режиссуру Волчек, но, как мне кажется, не вписывалась в обычные или скорее привычные каноны. Она вкладывала в свою Раневскую всю неустроенность и нервность СВОЕЙ души, всю СВОЮ собственную непредсказуемость, скачки настроений, сбивчивый ритм, СВОЮ дерзость, СВОЙ резкий, чуть хрипловатый голос, «рваные» интонации, грубость и вдруг — такую прозрачность, потерянную, непонимание того, что происходит. Почему? Почему ТАК? За что? И в этом странном соединении Татьяны Лавровой, Галины Волчек и Любови Андреевны возникала совершенно ни на кого не похожая, абсолютно единственная — Раневская!

Была ли она той самой Раневской, какой написал и видел ее Чехов? Не знаю, но знаю, что очень часто я не могла оторвать от нее глаз...

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР
СОВРЕМЕННИК
ВИШНЕВЫЙ САД
комедия в четырех действиях

Ветер
В «Вишневом саду»

Лаврова ушла из «Современника», и на нашу сцену вышла обожаемая всеми Фрейндлих. И это была совсем другая Раневская, никогда не повысившая голоса, не дерзкая — прозрачная, нежная, дивная «акварель», написанная рукой дивного художника. Огромные глаза крыжовникового цвета, полуулыбка, легкий жест, мягкая пластика души и тела, никаких дерзостей и резкости, потерянности, потеря себя... Без восторгов бывших страстей, уходящая...

...Прошло много лет, и я уже могла бы стать Раневской. Какой? Я не знала, но знала, что больше всего я не хотела бы повториться, продублировать и надеть «чужую рубашку» на себя; мне хотелось привести в Раневскую что-то свое, не похожее на тех, которых я уже знала; свое ощущение ее, свое знание этой женщины, которая мне напоминала бабочку, летящую на огонь, обжигающую свои нервные, тонкие крылья, которая снова и снова летит на огонь, горит, но, едва спасшись, опять летит на него, в который раз веря в то, что это лишь свет, который не сожжет...

Галина Борисовна Волчек говорила со мной о Раневской много раз, ей хотелось продлить жизнь спектакля и не расставаться с «Вишневым садом» вопреки всему... А мне было страшно: я уже была рядом с Лавровой, я была рядом с Фрейндлих, я уже знала, как теряли и прощались они — две столь разные и замечательные Раневские. Я — Аня — любила их обеих, я вместе с ними проходила и проживала их жизнь, их прощание, я сострадала, глядя на это «изнутри» глазами Ани, я боялась вступить в эту воду снова, но уже Раневской.

Я в то время частично жила в Париже (именно в Париже, откуда возвращается к своему саду Раневская), была середина лета, время каникул, которые мы проводили под Парижем, в Манте — бывшем поместье Мюссе: огромный парк, сона, которая наверняка помнила Жорж Санд, ярко-зеленый газон, муфлон, заставившие посередине дивной поляны, прозрачный воздух — и я сижу с пьесой «Вишневый сад», возвращаясь в «начало» конца.

В парке этом как будто преднамеренно и специально для меня цветет вишня, целый сад. И в этом саду цветет безумно, как никогда, как в последний раз (а для меня и правда в последний — мы возвращаемся в Москву; «Уезжаю, уезжаю», — как скажет Раневская в конце), жаркое лето, и вдруг — откуда он взялся?! — ветер, страшный ветер, порывом, не предупреждая, и весь наш вишневый сад полетел снегопадом, пургой, выгой, оставив голые деревья, без цвета...

Что-то соединилось и пересеклось в моей жизни с этой пьесой, мне кажется, я что-то поняла тогда или скорее почувствовала, как спазм в горле, тревогу, потерю, как прощание с моим Парижем, моим садом. Я закрыла книгу, попрощалась с Аней и поехала за Раневской в Москву, чтобы встретиться с Вишневым садом и потерять его в который раз...

Неелова
Марина

29.03.06

Юрий РОСТ